

Даля Трускиновская

Жалобный маг

«Автор»

2001

Трускиновская Д. М.

Жалобный маг / Д. М. Трускиновская — «Автор», 2001

© Трускиновская Д. М., 2001

© Автор, 2001

Далия Трускиновская

Жалобный Маг

Посвящается В.Б.

– Жребий! Вашему роду выпал жребий! – хрипло вопил гонец, врываясь во двор и осаживая коня. – Все слышали? Жребий! Радость вашему роду!

К нему бежали с разных сторон толстые прачки со жгутами сырого белья, конюшенные мальчишки, фермеры, что привезли зерно и репу, и даже, подхвативши синюю сутану, старый замковый капеллан Антониус.

– Что за жребий, Бонно? – спросил капеллан, как самый старший среди челяди, ведь ни Хозяина, ни Хозяйки, ни кого из родни здесь не было и быть не могло.

– Позовите благородного сьера Элиаса! – гонец хотел бодро соскочить, но вместо того сполз наземь по конскому боку. – Спешная новость! Жребий выпал вашему роду! Поддержите меня под руки, мерзавцы...

И точно – по Уставу двое пажей должны были помочь спешиться королевскому гонцу и бережно довести его до крыльца, где стоял глава рода. Но пажей в замке уже лет двадцать как не было – ни одна семья не желала отдавать мальчишек на выучку в захудалый, всеми позабытый род...

– Да что за жребий-то? – Антониус что было силенок встряхнул гонца за плечо, как бы давая понять – да хватит с нас этих церемоний!

– Великий, славный жребий! Радость вашему роду!

Не так уж часто доводилось Бонно привозить вести из самой столицы. И он желал, чтобы все было по правилам, всей душой желал, да только вот глотка охрипла и ноги были как неродные.

– Будь ты неладен! Ты что же, полагаешь, что сьер Элиас сюда явится?

Чтобы сократить путь, Бонно, отважно скача через канавы, примчался замковыми огородами и въехал не в парадный, а в хозяйственный двор, двор форбурга, примыкавший к северной стене старого замка.

– Он явится, когда узнает! – чуть потише сказал Бонно и опять завопил во всю дурь: – Жребий выпал вашему роду!

Бонно был королевским гонцом на содержании у города, и встречать его полагалось именно в миг его появления и во дворе – так писалось в Уставе. Главный это был двор или хозяйственный – Устав умалчивал, так что лазейка имелась. Капеллан почесал в затылке.

– Я попробую сообщить Хозяину, – проворчал он. – Жди здесь!

Хозяин отыскался довольно скоро – в молельне, у самого окошка, за резной конторкой, где он по привычке, стоя, листал амбарную книгу.

– Чего тебе, милосердный отче?

– Сумасшедший Бонно прискакал с радостной вестью. Твоему роду выпал жребий! – сообщил капеллан.

– Жребий? Это что еще такое?

– Я думал, ты знаешь.

Старики посмотрели друг на друга с недоверием и одновременно пожали плечами.

– Какие-то новомодные выдумки, – осмелился прокомментировать Антониус.

– Пошли, – решил Хозяин.

Когда они через калитку, пробитую в северной стене, протиснулись во двор форбурга, Бонно сидел на скамье у коновязи и спал, прислонившись к стене. Он сидел довольно прямо,

опираясь о стену лишь виском, и если бы не приоткрытый рот – имел бы вид более чем достойный.

– Проснись, гонец Бонно! Сьер Элиас желает выслушать королевское сообщение! – Хозяин выразился именно так, как велел Устав, да и Бонно, пока не заснул от усталости, тоже говорил служебным языком, не позволяя себе ни одного слова из обыденной речи.

Прачки, мальчишки и фермеры замерли – но Бонно не проснулся.

– А новость-то спешная, – шепнул Хозяину на ухо капеллан. Сьер Элиас похлопал гонца по щеке.

– Старый дурак... – проворчал капеллан. Бонно был моложе его на восемь лет, но сейчас другого титула не заслуживал.

– Больше ничего не сказал? – осведомился Хозяин.

– Спешная новость, выпал великий жребий, – повторил Антониус. – А что он еще мог сказать нам? Сообщение-то для тебя!

Хозяин огляделся по сторонам.

– Беги-ка за холодной водой! – велел он старшей прачке, заметив у нее пустое ведро. – Живо, живо! Может быть, война?

– И тебя призывают взять генеральское знамя? Выходит, сьер Магнус скончался – потому что живой он это самое знамя никому не уступит, – усмехнулся капеллан. – Какой они еще там придумали жребий?

Вода была доставлена и почтительно вылита на голову гонцу. Бонно пробормотал что-то несуразное, однако не проснулся.

– Может, тебя избрали в Совет? – предположил капеллан.

– Когда это в Совет избирали по жребию? А, может, готовится большой турнир?

– В наши годы мы уже не тянем жребия, с кем сражаться, – Антониус учтиво сказал «мы», хотя сам никогда не надевал турнирных доспехов. – Нас уже сажают по обе стороны от королевы, чтобы подсказывать ей решение...

Решений он тоже не подсказывал.

– Так что же это за великий жребий? – Хозяин обвел взглядом толпу.

Никто ничего не понял – это и читалось на простых неподвижных физиономиях.

– Несите гонца в замок, – приказал Хозяин. – Да не в калитку, застрянете! Жили в тишине, в благости и просветлении, делами занимались, порядок соблюдали, на тебе – жребий! Чует мое сердце, хлебом мы беды с этим жребием!..

* * *

Бонно получил сообщение для сьера Элиаса в городе из уст старшего королевского гонца, который нарочно для такого случая прибыл из столицы. Старший гонец тоже был немолод, передавать должность сыну не желал, и дорога до такой степени его доконала, что он вопреки Уставу велел Бонно выучить сообщение наизусть и отправил его, хотя такие новости обязан был довести сам.

А вышло из этого, что их подслушали.

Хозяйка постоялого двора «Королевская сковородка» не имела намерения подслушать. Она просто стояла перед дверью с подносом и ждала, пока старший королевский гонец потребует вина и мяса. Можно было, конечно, установить на этом посту и глухонемого Пьера, который за хлеб и одежду помогал по хозяйству, не чураясь и бабьей работы. Пьер имел свойство сохранять неподвижность часами. Однако хозяйка полагала, что в Уставе про глухонемых ничего не говорится, а владельцы постоялых дворов там уж точно поминаются.

Узнав неслыханную новость, она подноса не уронила, не взвизгнула от восторга и вообще сказала вслух лишь «М-м-м...» Это была очень благоразумная женщина, и она сразу сообразила, какую пользу может извлечь из новости.

Вот почему едва ли не одновременно с Бонно в замок сьера Элиаса прибыла его младшая сестрица, дама Берта, которую он не видел сорок лет – и еще столько бы охотно не встречал. Брат с сестрой насмерть переругались, когда он, старший в роду, выдавал ее, засидевшуюся в девицах, замуж и не поддался на хитрость, которую она измыслила, чтобы увеличить себе приданое.

Берта, невзирая на годы, приехала верхом, ее сопровождали мужья двух ее дочерей и младший внук, это если не считать мелкой челяди.

Въехала она, разумеется, в главный двор, где и не сходила с коня, пока безмерно удивленный сьер Элиас, прекратив возню с мертвецки спящим Бонно, не велел подать себе парадную мантию и не спустился ей навстречу. Оба на старости лет стали чтить Устав так, как не делали этого смолоду, и сейчас Берта была вовсе не старой склочницей, а прибывшей в замок благородной дамой.

С другой стороны, сорок лет раздоров могли бы уж обоим и надоест...

– Приветствую того, на кого пал высокий жребий! – сказала Берта, склоняясь в придворном поклоне перед братом.

То же повторили и зятя с внуком.

– Воля королевы – воля Судьбы! – отвечивал сьер Элиас, до крайности удивленный. Капеллан, стоя за его спиной, мучительно пытался прочесть по лицу Берты хотя бы намек на смысл высокого жребия. Но зловредная старуха как склонилась в реверансе, так и тарасилась на обшарпанные носки братних сапог.

Тогда капеллан окинул взором уже сошедшую с коней челядь дамы Берты. Как почти всякий, кому приходится с юности видеть больше народу, чем это требуется для спокойствия и счастья, Антониус запоминал лица. И был немало поражен, увидев среди служанок старой дамы, прибывших на крупах солдатских лошадей, как им полагалось по Уставу, одно вовсе неожиданное личико.

Личико было полуприкрыто крыльями белого накрахмаленного чепца, подбородок захлестнут льняной вышитой лентой, однако капеллан знал, кого это принесла нелегкая.

Он не мог сейчас открыто помочь своему старинному другу, Хозяину, но меры безопасности принять все же следовало. Он отступил чуть назад и нашарил руку Бернара, конюшего.

– Пошли-ка ты, поскорее, сынок, за теткой Туанеттой, – не разжимая губ, потребовал капеллан.

– Неужто дама Берта рожать собралась? – так же, не разжимая губ, полюбопытствовал Бернар.

– Делай, что велю.

Поняв, что странный приказ отдан неспроста, Бернар тоже внимательно оглядел гостей – и присвистнул.

– Слушаю, милосердный отче...

А между тем брат и сестра вели странный и путаный разговор. Берта пыталась уразуметь – обогнала ли она Бонно с его спешной новостью, сьер Элиас же соглашался с тем, что жребий – велик, а род его – почтен Судьбой, однако всячески увиливал от подробностей, ожидая, что сестрица проболтается.

А виновник всей этой ерунды, Бонно, которого оставили в покое, спал себе на лавке, пребывая в безмерном блаженстве. И знать он не знал, ведать не ведал, какой переполох привез в благородный, но захудалый род! А ежели бы и знал – все равно бы не проснулся...

* * *

Посланный Бернаром конюх Эвримон застал тетку Туанетту дома и ворвался к ней в довольно-таки неподходящую минутку. Дочка бургомистра, Роза, исхитрилась чуть ли не за полчаса до венчания прибежать к старой повитухе за той мазью, что делает из многоопытных женщин невинных девиц, пусть и всего на одну ночь. Тетка Туанетта как раз пользовала Розу этой мазью, добираясь пальцем до самых потайных местечек, когда Эвримон именем сьера Элиаса пригвоздил к стенке служанку, маленькую Фадетту, и влетел в комнату.

Нужно отдать тетке Туанетте должное – не только ловкость в пальчиках она имела, но и силу в плечиках. Немедленно в голову Эвримону полетело первое, что под руку подвернулось, а были это сперва медный пест, а потом и ступка для снадобий. К счастью, конюх для выхода в город нацепил блестящий шлем, чтобы походить по меньшей мере на стражника. Вопли Розы и звон от двух ударов слились воедино.

– Ты что, тетка Туанетта, совсем ума лишилась? – заорал Эвримон. – Меня к тебе славный добрый сьер Элиас шлет! А ты всякой дрянью швыряешься!

– А врываться без спроса тоже сьер Элиас приказал? – тетка Туанетта одернула на Розе юбки, чтобы мерзавец-конюх не любовался, чем ему любоваться не пристало, да и собой ее загрозила.

– Собирайся, тебя в замок зовут. Заплатят сколько надобно, лишь бы поскорее. Я для тебя двух ослиц привел, для тебя то есть и для твоих пожитков.

– Неужто Хозяйка рожать надумала? – тетка Туанетта даже подбоченилась.

Хозяйка могла бы сейчас произвести дитя примерно с тем же успехом, что и дама Берта, – сестра и жена сьера Элиаса были ровесницами.

– Собирайся, говорю, без тебя там не обойтись.

По физиономии конюха тетка Туанетта поняла, что он и сам ничего не знает.

– Беги, дурочка, – велела она Розе. – потом все расскажешь.

Невеста без лишнего слова и убралась.

Тогда тетка Туанетта сняла с полки горшок и опрокинула над столом. В горшке было испытанное средство для подобных случаев – сорок один боб. Туанетта раскидала их на три кучки и принялась раскладывать рядами, бормоча себе под нос. Вдруг она смешала все бобы.

– Не поеду. Того гляди, отравят меня там.

– А ты разве сама не все отравы превзошла? – удивился Эвримон.

– Все, да не все...

– А ежели сьер Элиас приказал?

– Сьер Элиас мне не указ. Я ему не прачка и не фермер.

Эвримон и сам знал, что каким-то образом тетка Туанетта записана горожанкой. Возможно, ее так отблагодарили за чью-то девственность.

Он все же попытался припугнуть повитуху, однако без толку.

Что любопытно – через четверть часика после того, как Эвримон вышел из домишки тетки Туанетты несолоно хлебавши и отправился назад в замок вместе с двумя ослами, тетка Туанетта в буром плаще с капюшоном поцеловала маленькую Фадетту, пообещала вскорости вернуться и сама зашагала в том же самом направлении...

* * *

Не доходя миль этак полутора до замка, тетка Туанетта свернула с дороги на лесную тропу. Лесок был невелик, однако ночью делался совершенно невменяем. Очевидно, он воображал себя весьма обширной и заколдованной чащобой, в коей может навеки затеряться кон-

ное войско. Тетка Туанетта знала, в чем тут загвоздка, и предусмотрительно вывесила поверх платья талисман – ящерку из розоватого камня. Теперь главное было – идти прямо и только прямо, потому что тропа к дому отшельника была как лежащее на земле большое турнирное копьё – шести-семи футов, без единого отклонения и очень узка.

Сам отшельник был из тех сварливых старых сычей, что не уживутся и с ангелами. То, что он действительно разумел, или по меньшей мере должен был разуметь в магии, в ход он пускал крайне редко, а вот опыты делал постоянно, и девять из десяти кончались ничем. Зато всякий десятый требовал потом постороннего вмешательства.

Как-то тетка Туанетта проснулась от вопля, который звучал у нее в голове, как будто все зубы вдруг обрели пронзительные глотки. Отшельник вызвал из недр земных что-то такое, чему и имени не было, а боялось оно единственно древесины. Когда тетка Туанетта примчалась в лес, перепуганный отшельник сидел на высокой сосне, рыдая в три ручья, отплевываясь и отругиваясь с высоты, а у подножья вилоь маслянисто-черное, хрюкающее, взбухающее и опадающее безобразие, вроде клубка змей. Если бы тетка Туанетта знала, что это за дрянь, она бы и близко не подошла. Но дело было осенью, когда змеи укладываются спать, и она сдуру решила, что отшельнику зачем-то потребовалась змеиная мамка. Потому лишь и вымела этот клубок с полянки веником на длинной палке, одновременно посылая его в преисподнюю. То, что она говорила, не было никаким заклинанием, но безымянная нечисть, как видно, и сама мечтала убраться подальше от этой парочки сумасшедших, плюющегося с сосны старца и тетки с веником.

Потом, кое-как спустившись с сосны, отшельник утверждал, что вовсе не тетку Туанетту он звал так отчаянно, да и вообще никого на помощь не звал, просто вышел подышать свежим воздухом и справить заодно малую нужду. И в самом деле – какой болван, имеющий власть над силами земными и водяными, станет требовать к себе городскую повитуху?

– Добрый тебе вечер, мастер Жербер! – сказала тетка Туанетта.

Отшельника она застала в неподходящую минуту – он хлебной корочкой подчищал дно котелка, в котором обычно варил себе густую похлебку.

Он сам вел свое несложное хозяйство и сам соблюдал почти безупречный порядок. Однажды мастер Жербер до того унизился, что попросил у тетки Туанетты старую нижнюю юбку на оконную занавесочку. Занавеска провисела дае недели, пока на ней не осела заметная копоть от очага. Тогда мастер Жербер вернул ее тетку Туанетте с просьбой отстирать в щелоке и прокипятить в большом котле. Повитухе не хотелось возиться с этой излишней роскошью, и она сделала так, что чистюля напрочь позабыл про занавеску.

– Зачем пожаловала? – огрызнулся отшельник.

– Плохую новость принесла.

Век бы тетка Туанетта не ходила к отшельнику, век бы он не признал повитуху за существо, достойное его внимания, но было у них кое-что совместное в прошлом, да еще имелись два общих врага, если не более, и оба это знали, хотя ни разу не прозвучали в их коротких беседах вражеские имена.

– Ну-ну...

– Изора приехала в замок к сыеру Элиасу.

Отшельник крепко задумался.

– А что же я не слышу? – вдруг догадался спросить он.

– А ты тихое заклинание с леска сними, – посоветовала тетка Туанетта. – Вот тут-то и услышишь, как она по замку расхаживает!

– И чего же ей от сыера Элиаса надобно?

– А ее с собой дама Берта для чего-то привезла.

Отшельник опять помолчал.

– Ну и пусть себе расхаживает по замку! – решил он. – От этого ни мне ни тебе вреда не предвидится. Пусть! Пусть! Слышать про нее ничего не желаю!

И он совершенно неожиданно хлопнул носом.

– А ежели предвидится? – совершенно не удивляясь этому бабьему визгу, спросила тетка Туанетта.

Мастеру Жерберу и самому не терпелось достать круглое зеркало о девяти слоях, причем даже самый нижний слой – и тот был в шесть-семь ударов пульса. Он только и мечтал, чтобы Туанетта его об этом хорошенько попросила. Она это и сделала.

Они вдвоем установили зеркало петлей-подвеской к северу, нижней табличкой к югу, и обсыпали горючей травой, и подожгли ее, чтобы напустить дыму побольше – зеркало было старое и показывать соглашалось только сквозь этот зловредный дым.

Первый слой явил то, что происходило сейчас в замке...

* * *

Вовсе не подозревая, что за ними кто-то следит в зеркало, дама Берта и сьер Элиас потчевали друг друга отборными любезностями. Хозяйка, дама Эрмиссенда, сидела в мужнином кресле и благоразумно позволяла братцу с сестрицей выкрикаться, чтобы потом взять власть в свои ручки. А ручки были крепенькие – дама Эрмиссенда до сих на охоте управлялась с конем и с дротиком не хуже иного пажа. Да и ногти на них отросли весьма цепкие.

– Я тебя из нашего рода сам своими руками выпроводил – и чтобы ты, змея беззубая, обратно заползти и не пыталась! – гремел сьер Элиас.

– Да ежели теперь вся надежда на меня и на моего внука? – визжала в ответ дама Берта.

– А твой внучек и вовсе к нашему роду отношения не имеет!

– Это ты, козий сожитель, сам уже ни к коему роду отношения не имеешь! – парировала старуха. – Нарожал дочерей, и дочери тоже одних дочерей рожают!

– Сама-то кого нарожала, крысиное ты отродье?!

Дама Эрмиссенда медленно стала подниматься.

– Да мои зятя рядом с твоими зятьями, чтоб тебя громом разразило, и с ними вместе...

– Это у них надолго... – проворчал отшельник. – И все равно там ничего не понять...

Он провел рукой, делая верхний слой прозрачным.

Во втором слое они с Туанеттой увидели, как дама Берта со свитой въезжает в замковый двор, где ее и высмотрел капеллан Антониус. Особое внимание зеркало уделило Изоре, которая, словно предчувствуя, что несколько часов спустя ее примутся отслеживать злейшие враги, отгораживалась мощным станом того солдата, за чьей спиной прибыла на конском крупе.

Мастер Жербер удержал пальцем ее лицо, стер второй слой вокруг своей врагини и восстановил третий.

Теперь Изора уже сидела с дамой Бертой в опочивальне и вела тот самый разговор, который и нужен был отшельнику с теткой Туанеттой.

Тут она была без всякого белого чепца с накрахмаленными крылышками, а всего лишь в покрывале замужней дамы, и ее светлые косы, заплетенные от висков, двумя свернувшимися змеями прикрывали уши. Бледное, неправдоподобно правильное лицо Изоры, без единой морщинки, все же не выглядело молодым. Вот каменным оно выглядело вполне – шевелились только чрезмерно розовые губы.

– То, что жребий выпал на этот род, в общем справедливо, – говорила Изора. – Но и забавно! С одной стороны, у мужчин, связавшихся с родом, рождаются одни дочери. Как раз то, что требуется! С другой – в результате и мужчин-то у вас теперь нет. Я имею в виду – по крови принадлежащих к роду. Ты можешь назначить зятя своим наследником, госпожа, но перед Уставом он – чужой. И при дворе этого не поймут...

– Мужчин у нас двое, – заявила дама Берта. – Мой треклятый братец, который уже не подходит по возрасту, да и женат, и мой внук.

– Твоему внуку всего шестнадцать лет, госпожа. И он хворает. Вряд ли он способен зачать дитя.

– А для чего же ты здесь? Зачнет! Но сперва мы должны заставить брата признать моего внука наследником рода!

Изора молча посмотрела на даму Берту, и та все поняла.

– А для чего же здесь ты?.. – хмуро спросила она.

– Боюсь, что это даже мне не под силу. Братец твой, госпожа, твердый орешек.

– Но ведь по крови мой внук – единственный мужчина, который может заявить о своих правах! Неужели же такой великолепный жребий пропадет зря? Неужели от него придется отказаться?

– Да, это было бы обидно... Но, дама Берта, ты же знаешь своего внука. Он слишком слабосилен, чтобы предложить себя женщине. Он до сих пор ни одной служанке, ни одной прачке ребенка не сделал.

Изора склонилась к уху дамы Берты.

– Даже не попытался... – прошептала она.

– А на что же тут ты?!?

– Когда мы привезем его ко двору, там живо поймут, что мальчик держится только снадобьями и заговорами. Ты полагаешь, дама Берта, что при дворе нет ни одной ворожеи, ни одного мастера?

Отшельник и тетка Туанетта слушали, не дыша, но ни один слой зеркала не держал картины с речами более двадцати ударов пульса.

– Но упускать такой случай тоже невозможно!

Зеркало замутился, мастер Жербер ткнул пальцем наугад, чтобы удержать лицо Изоры, но попал на даму Берту.

Она и осталась в следующей, четвертой картинке, где хозяйка гостиницы «Королевская сковородка» рассказывала ей тайну великого и счастливого жребия.

Отшельник и тетка Туанетта довольно быстро сообразили, в чем тут дело...

* * *

Королевство Септимания потому и процветало, что власть в нем передавалась по женской линии.

А государственные мужи в нем потому были мудры и сравнительно мало грызлись между собой, что воспитывались все вместе, под присмотром хороших наставников, и были сыновьями одной матери. Которая при нужде разбиралась с ними весьма круто...

С кого все это повелось – история знает, но молчит.

Королева, единственная из всех женщин Септимании, имела право неоднократно вступать в брак и разводиться с очередным мужем. Трудно сказать, как все это делалось изначально, но к тому дню, как королевский гонец Бонно переполошил замок съера Элиаса, порядок был таков. Восемь знатнейших и богатейших родов королевства находились у власти. Королева поочередно выбирала в мужа самого, на ее взгляд, подходящего рыцаря из каждого рода. После рождения ребенка она расставалась с мужем и ей немедленно предлагали на выбор великое множество женихов. В итоге получалось, что королева имела восемь, а то и более детей. Трон передавался старшей дочери, а сыновья воспитывались так, чтобы занять самые важные посты. Каждый род имел своего министра или генерала, на которого мог положиться. Когда на трон всходила новая королева, вместе с ней к власти приходили ее единоутробные братья.

И все шло замечательно, пока в один не слишком прекрасный день королева Мабилла не родила своего восьмого малыша. И это опять был сын!

Восемь сыновей, представляющих все знатнейшие роды, и ни одной дочери! Выходит, королевство Септимания осталось без наследницы?..

Королева устроила восьми благородным семействам такой скандал, что сбежавшие из дворца слуги и за оградой слышали отдаленные вопли.

Королеве была необходима дочь.

А рожать ее оказалось не от кого – восемь родов все-таки соперничали, и никто не хотел допускать, чтобы королева имела от соперника не одного, а двоих детей. Когда рождается двойня – другое дело, воля Судьбы...

К счастью, среди общей ругани оно и прозвучало – это весомое слово «Судьба». А Судьбу в Септимании уважали. Так совместно и додумались до жребия. Вызвали герольдов, велели принести родовые книги, посчитали, сколько второстепенных и третьестепенных родов обитает вдали от столицы, и велели изготовить маленькие свитки с гербами. Сама королева своей узкой белой ручкой вынула из корзины свиток...

Восемь родов здраво рассудили – их денег хватит на то, чтобы откупиться от любого деревенского аристократа. А если он отвергнет деньги – всегда найдется возможность к дню коронации избавить юную королеву от родственников с отцовской стороны.

И послан был гонец с приказом к сьеру Элиасу – собрать всех молодых мужчин его рода, достойных возлечь с королевой, и отправить в столицу незамедлительно!

Кто же мог знать, что вышла такая промашка?..

* * *

– Вот оно что... – проворчал мастер Жербер. – А мне какое дело? Я тебя спрашиваю – при чем тут я?

– А вот погляди! – тетка Туанетта смахнула с зеркала дым, потому что больше в нем искать уж было нечего. – Восемь знатнейших родов королевства, конечно, рады-радехоньки, что у них появятся деревенские родственники. Они тоже не станут сидеть и дожидаться, как Судьба распорядится! Ты уж поверь, что в каждом роду непременно найдется старуха не глупее нашей дамы Берты!

– Отвяжись ты со своими старухами! – напустился на повитуху отшельник. – Что ты мне навязываешь всякие дурацкие приключения? Разве ты не видишь, как я от всей этой дряни устал? Стоит на минутку забыть про все неприятности – а тут и ты являешься! Да есть ли в тебе хоть капля милосердия??? Ножом по сердцу режешь!!!

Нежданно-негаданно огромные слезы ручьями потекли по морщинистой физиономии мастера Жербера, по бороде, по суконной рясе – хорошего, между прочим, суконца! – и образовали две блестящие лужицы у ног страдальца.

Тетка Туанетта, видать, была привычна к такого рода скорбям и печалям. Подхватив подол юбки и не боясь, что станут видны нижняя рубаха и ноги в полосатых чулках, она прямо этим самым подолом вытерла своему приятелю глаза и нос.

– Ничего у нас с тобой не выйдет... – прохныкал мастер Жербер. – Так нам тут и сидеть, не высовываясь!..

– Выйдет! – повитуха опустила подол и треснула кулаком по столу, от чего подскочил и брякнул старый котелок. – Я тебе еще раз говорю – в столицу сейчас съедутся все ворожеи и колдуны, сколько их есть в Септимании! Не удивлюсь, если там и кто-то из высокопоставленных магов объявится! Вот будь ты на месте главы могучего рода, что бы ты сделал?

– Послал бы капитана своей стражи с молодцами в засаду, – сразу догадался мастер Жербер, – чтобы этот деревенский жених до столицы и не доехал вовсе.

– Нет, коли он не доедет – королева Мабилла поймет, что дело нечисто. Глава могучего рода ляжет вечером с женой на ложе и спросит – нет ли у них, у женщин, какого-нибудь способа сделать женихов вовсе к супружескому делу непригодным?

– Жених-то один, внук дамы Берты!

– Но об этом еще никто не знает! Они там, в столице, ждут, что в ворота въедет отряд женихов, все – как молодые ярые быки, как кровные жеребцы!

– Увидят они того внучонка, плюнут и скажут – ну, этот и без нашей помощи опозорится!

– Не-е-ет! – пропела-прогнусавила тетка Туанетта. – Они скажут – не может быть, чтобы на такого заморыша надежду возложили! Стало быть, кто-то очень сильненький ему ворожит! И тут уж до Изоры живо доберутся! Наживет она себе на голову поединок! Увидишь – наживет! Да ты что – опять слезу пустил? Изору пожалел, что ли? Я же говорила – Жалобный Маг помог ей с тобой управиться!

– Нет никакого Жалобного Мага, – отвечал отшельник. – Изначально – не было!

– А потом – появился!

– Неоткуда ему было появиться!

– Было!

– Не было!

– Было!

* * *

А вот ежели бы тетка Туанетта и мастер Жербер вместо того, чтобы переругиваться, еще раз напустили дыму над зеркалом, то и увидели бы, возможно, как сьер Элиас, кряхтя, укладывается в супружескую постель. Оно, конечно, нет никакого интереса любоваться, как старая развалина умащается поудобнее, но вот послушать, о чем толковали между собой Хозяин и Хозяйка, сьер Элиас и дама Эрмиссенда, право же, стоило!

– Если эта ведьма еще раз к нам заявится, я на нее собак велю спустить! – без особой злости, но значительно сказала Хозяйка. Псов она, смолodu любя охоту, воспитала таких, что вдвоем кабана заваливали.

– Уехала – и счастливого ей пути! – отозвался Хозяин, стягивая толстые теплые чулки. – Я ее не звал. Пусть делает что хочет! Пусть везет внука в столицу и там позорится на всю Септиманию! Видать, кого-то из дочек она от деревенского дурака нагуляла! Вот и внучек уродился бестолковый!

– Какой бы ни был, а единственный мужчина в роду... – тут дама Эрмиссенда задумалась. – А скажи-ка мне, Элиас, ведь частенько ты от меня погуливал, а?

– Ни сном, ни духом! – возопил сьер Элиас, сделав такие честные глаза, что одно это уж могло бы навести на превеликие подозрения.

– Да не ори ты... – дама Эрмиссенда приподняла край огромного мехового одеяла, чтобы пустить в тепло мужа. – Послушай, муженек, мне ведь до смерти обидно, что Бертино отродье королевским супругом станет! Вот ежели бы у тебя где приبلудный сынок или внучонок сыскался! Мы бы его в род приняли! И ни одна ворожея бы нас не опозорила – кровь-то твоя! Родовая!

– Нету у меня ни приبلудных сынков, ни приبلудных внучат, – на всякий случай отодвигаясь подальше от жены, подтвердил сьер Элиас.

– А напрасно! Что же это ты – шkodил, шkodил, и без всякого проку?

Дама Эрмиссенда негромко рассмеялась, а сьер Элиас крепко задумался.

– Так-то оно так, милочка, да только как нам это теперь узнать? – нерешительно признался он. – Если что и было – никто нам, насколько я знаю, подкидышей к воротам не подкладывал. Да и я ведь... как бы тебе растолковать... девчонок-то я не портил...

– А к замужним заглядывал?

– Бывал грех, бывал...

– Бабка моя всегда говорила, что иной грех лишь с виду грех, а пользы приносит поболее всякой добродетели, – заметила дама Эрмиссенда. – Стало быть, твой сынок или внучонок сейчас под чужим именем живет и чужой хлеб ест? Негоже это! Нужно паренька в родную семью взять. И не зятьям, а ему имущество отписать. Что – зятья?

– Ну, коли на то пошло, то наши зятя – не чета Бертиным!

– А родной-то сынок лучше! – дама Эрмиссенда усмехнулась. – Неужто ни одной девчонки не испортил? Кабы так – твое дитя бы в монастырском приюте возросло...

Сьер Элиас, видя, что супруга крепко забрала себе в голову такое неслыханное пополнение семейства, сел в постели, дабы размышлять было удобнее.

– Ну, допустим, отыщется такой сынок, милочка. Так наши с тобой дочки его со свету сживут!

– Не успеют! – беззаботно отвечала любящая матушка. – Мы его вымоем, приоденем и в тот же день в столицу отправим!

– Берта-то уже в пути, я полагаю... вместе с внучком...

– Меньше, чем за десять дней, она до столицы не доберется. Ее ведь медленно повезут, чтобы старые кости не растрясти! А мы нашего голубчика в лучшем виде снарядим, самых резвых коней ему со свитой приготовим. И ежели даже он и опоздает – родовые-то грамоты у него будут, а не у Бертиного отродья! И если столичные ворожеи вздумают чистоту крови проверить – тоже все в лучшем виде соответствует! Он-то по прямой мужской линии кровь перенял, а Бертин внук – по боковой, через женщину. Судьба к нам личиком повернулась, муженек, негоже от Судьбы-то отворачиваться!

– Негоже, да только где же я тебе приبلудного сыночка возьму?!? – заорал сьер Элиас.

– Не может же быть, муженек, чтобы его не нашлось!

– Может!

– Не может!

– Может!

* * *

В это же самое время дама Берта со своей свитой, Изорой, зятями и внуком, костеря брата на чем свет стоит, въезжала во двор своего городского дома.

Родовых фамильных грамот она не получила, сманить сьера Элиаса в столицу ей не удалось, предназначенного королеве Мабилле жениха он видеть отказался. Дама Берта желала брату, его супруге, их шести дочкам с зятями и всему прочему потомству адского огня в почки, печень и селезенку, а также много иных хвороб в различные члены. Она прервала язвительные речи лишь когда с помощью зятев сползала с кобылы наземь.

Изора соскочила сама, хотя при ее удивительной красоте мужчины должны были бы, толкаясь и переругиваясь, наперебой протягивать ей руки. Но странным образом эта безупречная красота никого не волновала. А, может, презрительное личико было тому виной. А может, и недобрая слава, что тянулась за красавицей незримо, да ощутимо...

– Успокойся, госпожа, и признайся, что сделала ошибку, – сказала Изора, когда обе они вошли в опочивальню дамы Берты. – Напрасно ты рассчитывала, что сможешь увлечь брата этой затеей. В деньгах он не нуждается, того, что есть, ему вполне хватает, славы не ищет, да и кто ее ищет в такие годы? Все твои доводы оказались бесполезны, и следовало с самого начала действовать так, как предлагала я.

– Старый дурак! – буркнула дама Берта, стягивая головную повязку и накладные косы – с ней вместе. – Я сама виновата – отправилась с доводами рассудка к старому дураку! Очевидно,

придется пустить в ход те самые чары, Изора, которые ты обещала, хотя я и не очень-то в них верю. О том, что можно вложить в мальчика неслыханную мужскую силу – знаю! О том, что можно приворожить самую неприступную женщину, – знаю! За все это я тебе готова заплатить сколько скажешь. Но чтобы над людьми имела власть детская игрушка?

– Не желаю я тебе, госпожа, чтобы ты на себе испытала власть этой игрушки...

Изора сняла с пояса скрытую до поры складками маленькую лютню, которая издали смахивала на обыкновенную ложку, не такую, какой едят похлебку, а скорее на такую, которой эту похлебку разливают.

– Вот сильнейшее оружие, которым я владею, – невозмутимо сказала она. – И нет мне нужды в тех чарах, какие напускают деревенские ведьмы! Любая женщина сжалится над любым мужчиной, стоит только зазвучать этой лютне. Ты еще увидишь, как королева Мабилла стоит на коленях перед твоим внуком, умильно заглядывая ему в глаза!

– Мы завтра поедем по лавкам, – решила дама Берта. – Нужно снарядиться в дорогу должным образом. Я засажу всех девиц шить...

– А вот этого делать не нужно, госпожа! Все наряды тебе сошьют в столице и по новейшей придворной моде. Более того – придворные портные сделают тебе все бесплатно, потому что захотят и в будущем получать заказы от бабки королевского мужа, отца новой королевы!

Любая другая женщина сказала бы это по меньшей мере с лукавой улыбкой, а Изора как будто вслух прочитала в амбарной книге, сколько овса и ячменя было выдано конюхам.

Дама Берта, впрочем, не обратила на такую странность внимания.

– Как ты все отлично придумала, милочка! – обрадовалась будущая королевская прабабка. – Значит, уже завтра нам не мешало бы выехать в дорогу. Скажи-ка, а тайные снадобья внуку нужно будет принимать уже сейчас, или достаточно будет, ежели он в столице их отведают?

Изора задумалась, поглаживая нежнейшими пальчиками игрушечную лютню, слегка подергивая ноготками струнки.

– Я бы хотела посмотреть его в опочивальне, – сказала наконец колдунья. – И без рубахи.

– Чего же проще! Я велю слугам приготовить ему чан для купанья и свежую рубаху! – тут дама Берта, вспомнив, видимо, шашни и плутни полувековой давности, захихикала. – Его искупают и переоденут, а ты сможешь сие созерцать!

Вдруг бабуля погрузнела.

– Сдается мне, что там особо любоваться нечем... – более чем горестно молвила она. – Беденький мой внучек, как же его жестоко Судьба обделила!..

Изора продолжала пальчиками ласкать лютню, касаясь струн невесомо и заставляя их трепетать неслышно...

– Вот горе-то, вот горе! – запричитала дама Берта, вытирая слезы. – И личиком-то внучек не удался, и стан у него – как тростиночка жалкая, и борода-то расти не желает! И хворенький он у нас, наследничек наш любезный! Право, своим бы здоровьем с ним поделилась, если бы сие...

Тут на ее уста легла холодная узкая рука.

– Молчи, госпожа. Этого довольно...

Дама Берта, сразу перестав хныкать, злобно уставилась на обнаглевшую колдунью.

И тут же увидела, что не одни они в помещении – рядом с Изорой стоит, держа ее за руку, некий муж в дымчатой сутане с капюшоном, сгорбленный, так что и лица не разглядеть, и явно бестелесный – ведь сквозь него смутно видны очертания большого камина и даже блеклое пламя в оном.

Дама Берта попятилась и села на низкую табуреточку.

– Вот оно, наше главное оружие, – ровным голосом сказала Изора. И, отцепив от пояса, подала дымчатому монашку лютню.

Рука его, взявшая гриф, уже обрела плоть – и дымчатая прозрачность его сутаны тоже сгустилась, обозначились резкие тени складок, и лицо, окаймленное короткой бородкой, сделалось вроде бы зримым...

Он присел на другой табурет, напротив дамы Берты, прижав еще звучащую лютню к груди, прямо весь вокруг нее, крошечной, обвился и завернулся, и тронул струны, и запел негромким приятным голосом, да так, что дама Берта, особа не склонная к нежным чувствам, немедленно возжелала встать, устремиться к монашку и прижать к груди голову вместе с капюшоном – если только она, голова, там и впрямь имелась.

– Вот точно так же растает сердце королевы Мабиллы. А прочее тебя, госпожа, пусть не волнует. Уж девчонка-то у них двоих непременно получится, – обнадежила Изора.

* * *

Ехать в столицу можно было по-разному. Через горный перевал путь лежал короткий, но связанный с неудобствами. Речной долиной добираться было дольше, да и переправляться через реку ниже по течению пришлось бы вброд, но других дорожных неурядиц не предвиделось. Мастер Жербер и тетка Туанетта разругались вконец, пока выбирали путь. Тетка Туанетта настаивала на ровной дорожке, пролагающей по красивой местности, где на каждом шагу – всевозможные харчевни. Поесть она любила. Мастер Жербер желал странствовать там, где его никто бы не видел, не слышал и не узнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.